© 2020. В. А. Воропаев

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия

Н. В. Гоголь как политический мыслитель

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-112-50197*

Политическая мысль Гоголя носила консервативный характер. Все вопросы жизни — бытовые, общественные, государственные, литературные — имели для него религиозно-нравственный смысл. Признавая и принимая существующий порядок вещей, он стремился к изменению общества через преобразование человека. Исторические и политические взгляды Гоголя близки воззрениям Н. М. Карамзина и славянофилов. Вместе с тем он остался непревзойденным в религиозном восприятии Запада. По словам В. В. Зеньковского, ни в ком не было такого глубокого непосредственного ощущения религиозной неправды современности. В трактовке России как теократического государства Гоголь расходился с Н. М. Карамзиным и А. С. Пушкиным, но был солидарен с ними в своих симпатиях к дворянству как образованному классу. Гоголь вплотную подошел к основным темам русской религиозной философии. Он стал первым представителем глубокого и трагического религиозно-нравственного стремления, которым проникнута русская литература. Выдвинутый им идеал воцерковления русской жизни до сей поры глубоко значим для России. Такие творцы, как Гоголь, по своему значению в истории слова подобны святым отцам в Православии.

Ключевые слова: Гоголь, религиозная философия, славянофилы, декабристы, консерватизм, монархизм, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, В. Г. Белинский.

Информация об авторе: Воропаев Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119999, г. Москва, Россия

Е-mail: voropaevvl@bk.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 22.10.2020

Дата публикации статьи: 08.12.2020

Для цитирования: Воропаев В. А. Н. В. Гоголь как политический мыслитель // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 74–85. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-74-85>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Vladimir A. Voropaev
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Nikolai Gogol as a political thinker

*The reported study was funded by RFBR,
project number 19-112-50197*

Nikolai Gogol's political thought was conservative. All questions of life — everyday, social, state, literary — had a religious and moral meaning for him. Recognising and accepting the existing order of things, he strove to change society through the transformation of human. The historical and political views of Nikolai Gogol are close to the views of Nikolay Karamzin and the Slavophiles. At the same time, he remained unsurpassed in the religious perception of the West. According to Vasiliy Zen'kovsky, no one else had such a deep direct feeling of the religious untruth of that time. In his interpretation of Russia as a theocratic state, Nikolai Gogol was at odds with Nikolay Karamzin and Alexander Pushkin, but the former was in solidarity with the latter in the sympathies for the nobility as an educated class. Nikolai Gogol came close to the main themes of Russian religious philosophy. He became the first representative of the deep and tragic religious and moral aspiration that had permeated Russian literature in the subsequent decades. The ideal of the churching of Russian life put forward by him is still profoundly significant for Russia to this day. Creators such as Nikolai Gogol, in their meaning in history, in words are similar to the Holy Hierarchs in Orthodoxy.

Keywords: Gogol, religious philosophy, Slavophiles, Decembrists, conservatism, monarchism, Nikolay Karamzin, Alexander Pushkin, Vissarion Belinsky.

Information about the author: Vladimir A. Voropaev, DSc in Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, 11999, Moscow, Russia

E-mail: voropaevvl@bk.ru

Received: October 22, 2020

Published: December 8, 2020

For citation: Voropaev V. A. Nikolai Gogol as a political thinker // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 4, pp. 74–85. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-74-85>

Имя Гоголя сегодня нередко можно встретить в исследованиях по русской философии и даже истории Русской Церкви. Выходят коллективные монографии и сборники статей, посвященные философским аспектам мировоззрения и творчества Гоголя. Вместе с тем во многом остается справедливым замечание протопресвитера В. В. Зеньковского¹, отметившего, что время «для исторической справедливой оценки Гоголя как мыслителя все еще не настало» [Зеньковский 1991: 189].

Мирозерцание Гоголя отличается удивительной цельностью и единством. В лекции о багдадском калифе Аль-Мамуне (IX в. по Р. Х.), на которой присутствовали А. С. Пушкин и В. А. Жуковский (опубликована в 1835 г.), Гоголь характеризовал этого правителя как покровителя наук, исполненного жажды просвещения, видевшего в науках «верный путеводитель» к счастью своих подданных. Однако калиф, по Гоголю, сам же и способствовал разрушению своего государства: «Он упустил из вида великую истину, что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий» [Гоголь 7: 351].

Подобные мысли Гоголь высказывал и позднее. В программной статье «О преподавании всеобщей истории» (1835) он писал, что цель его — «образовать сердца юных слушателей, чтобы «не изменили они своему долгу, своей Вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными своему Отечеству и Государю» [Гоголь 6: 284]. Именно на эту статью ссылался Гоголь незадолго до смерти (в октябре 1851 г.),

¹ В литературе В. В. Зеньковского часто называют протоиереем, что не совсем правильно. В 1955 г. он был возведен в сан протопресвитера. В русской церковной традиции этот сан принадлежит к особым богослужебно-иерархическим наградам, право награждения которыми принадлежит исключительно первоиерарху Поместной Православной Церкви.

защищаясь от обвинений А. И. Герцена в отступничестве от прежних убеждений и в доказательство единства своих взглядов.

Историософские взгляды Гоголя отразились в эссе «Жизнь» («Бедному сыну пустыни снился сон...», 1835), посвященном важнейшему событию мировой истории — Рождеству Христову. Эта тема станет важнейшей в зрелом творчестве писателя. Широта замысла, отраженная в заглавии, говорит о том, что представленные в «Жизни» Египет, Греция и Рим являют собой не столько образы древних цивилизаций, сколько мыслятся Гоголем как обобщение дохристианских типов культуры — «...как будто бы царства предстали все на Страшный суд перед кончиною мира» [Гоголь 6: 261].

В своей концепции мирового исторического развития Гоголь придавал определяющее значение Божественному промыслу. «Что ссылаешься ты на историю? История для тебя мертва <...> Без Бога не выведешь из нее великих выводов...» (Близорукому приятелю, 1844) [Гоголь 6: 134].

В художественных произведениях Гоголь часто утверждал идеал через обличение пошлости (в смысле бездуховности), которая есть искажение образа Божия в человеке: «...в уроте вы почувствуете идеал того, чего карикатурой стал урод» (Что такое губернаторша, 1846) [Гоголь 6: 105]. В жизни и в творчестве Гоголь, по его собственному признанию, стремился идти путем церковной аскетики — очищения, восстановления в себе образа Божия, воцерковления своих писаний.

Философия Гоголя, его мирозерцание во всей полноте и оригинальности проявились в отношении к языку. В последние годы широко дискутируется вопрос, почему Гоголь писал на русском языке. В этой связи можно сослаться на мнение известного историка-слависта, академика В. И. Ламанского, который находил, что гениальность Гоголя проявилась именно в его сознательном отказе от «украинской мовы» в пользу общерусского литературного языка [Семенов-Тянь-Шанский: 624]. Гоголь стремился выработать такой стиль, чтобы в нем сливались стихии церковнославянского и народного языка (что совершенно естественно для русской литературной классики). Это подтверждается, в частности, собранными им «Материалами для словаря русского языка», где представлены слова и диалектные, и церковнославянские (заметим, что составлять такой словарь Гоголь начал задолго до В. И. Даля). По Гоголю, характерное свойство русского языка — «самые смелые пе-

реходы от возвышенного до простого в одной и той же речи» (Чтения русских поэтов перед публикою, 1843) [Гоголь 6: 23]. Одновременно он подчеркивал, что под русским языком разумеет «не тот язык, который изворачивается теперь в житейском обиходе, и не книжный язык, и не язык, образовавшийся во время всяких злоупотреблений наших, но тот истинно русский язык, который незримо носится по всей Русской земле, несмотря на чужеземствование наше в земле своей, который еще не прикасается к делу жизни нашей, но, однако ж, все слышат, что он истинно русский язык...» (Занимающему важное место, 1845) [Гоголь 6: 145].

«Честь сохранения славянского языка принадлежит исключительно русским», — говорил Гоголь (<Отдельные заметки и выписки по начальному периоду русской истории>) [Гоголь 8: 34]. Эти пророческие слова спустя несколько десятилетий повторил замечательный русский ученый-лингвист князь Н. С. Трубецкой: «Русский литературный язык в конечном счете является прямым преемником староцерковнославянского языка, созданного св<ятыми> славянскими первоучителями в качестве общего литературного языка для всех славянских племен эпохи конца праславянского единства» (Общеславянский элемент в русской культуре) [Трубецкой: 69].

В осознании значения церковнославянского языка в формировании русского литературного языка Гоголь опередил свое время. По мысли Гоголя, русский литературный язык — единственный и прямой наследник церковнославянского языка, который в славянском мире иногда называли русским и который был общеславянским книжным (литературным) языком. Мысли эти получили признание и развитие у лингвистов нашего времени (академик Н. И. Толстой, Е. М. Верещагин и др.). Напомним в этой связи слова Гоголя, сказанные в разговоре со своим земляком О. М. Бодянским, профессором истории и литературы славянских наречий Московского университета: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски <...> надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня — язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан...» (Свидетельства о Гоголе в воспоминаниях и письмах Г. П. Данилевского) [Виноградов: 303].

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847) Гоголь высказал свои взгляды на веру, Церковь, царскую власть, Россию, слово

писателя. Он выступил в роли государственного мыслителя, стремящегося к наилучшему устройству страны, установлению единственно правильной иерархии должностей, при которой каждый выполняет свой долг на своем месте и тем глубже сознает свою ответственность, чем это место выше. Гоголевская апология России, утверждение ее мессианской роли в мире в конечном итоге опираются не на внешние благоустройства и международный авторитет страны, не на военную мощь, а главным образом на духовные устои национального характера. Взгляд Гоголя на Россию — это прежде всего взгляд православного христианина, сознающего, что все материальные богатства должны быть подчинены высшей цели и направлены к ней. По Гоголю, залог будущего России — не только в особых духовных дарах, которыми щедро наделен русский человек по сравнению с другими народами, а еще и в осознании им своего неустройства, своей духовной нищеты (в евангельском смысле), и в тех огромных возможностях, которые присущи России как сравнительно молодой христианской державе.

Эта идея ясно выражена в замечательной концовке «Светлого Воскресенья»: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь <наша> еще неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих”, — вот что мы должны всегда говорить о себе. <...> Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней» [Гоголь 6: 203].

Среди откликов на книгу особый общественный резонанс имело письмо В. Г. Белинского к Гоголю из Зальцбрунна от 15 июля (н. ст.) 1847 г. Суть спора сводилась «к религиозному прогнозу» (Г. В. Флоровский). Для Гоголя понятие христианства выше цивилизации. Залог самобытности России и главную ее духовную ценность он видел в Православии.

«Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба для Русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду

всей Европы, заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала, — и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!» (Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве, 1845) [Гоголь 6: 35–36].

Единственным условием духовного возрождения России Гоголь считал воцерковление русской жизни. «Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всеми видим, — наша Церковь. <...> В ней заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направление, всему законная и верная дорога» (Просвещение, 1846) [Гоголь 6: 73]. Никакие благие преобразования в стране невозможны без благословения Церкви: «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословения. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым» [Гоголь 6: 73].

Политическая мысль Гоголя носила консервативный характер. Все вопросы жизни — бытовые, общественные, государственные, литературные — имели для него религиозно-нравственный смысл. Признавая и принимая существующий порядок вещей, он стремился к изменению общества через преобразование человека. «Брожение внутри не исправить никаким конституциям <...>, — отвечал он В. Г. Белинскому. — <Общест>во образуется само собою, общес<тво> слагается из единиц. <Надобно, чтобы каждая едини>ца исполнила долж<ность свою> <...> Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но> высокий гражданин высокого небесного <гра>жданства. Покуда <ско>лько-нибудь не будет <он> жить жизнью <неб>есного гражданина — до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство» (наброски неотправленного письма, конец июля — начало августа (н. ст.) 1847 г., Остенде) [Гоголь 14: 392].

Корнем политических воззрений Гоголя был монархизм. Императора Николая Павловича он называл «Великим Государем». В статье «О лиризме наших поэтов» (1846), говоря о богоустановленности Царской власти, ведущей свое происхождение от ветхозаветных пророков, Го-

голь замечал: «Высшее значенье монарха прозрели у нас поэты, а не законоведцы <...> Страницы нашей истории слишком явно говорят о воле Промысла: да образуется в России эта власть в ее полном и совершенном виде» [Гоголь 6: 46]. Размышляя о значении самодержавия для России, Гоголь обращался к авторитету Пушкина.

В один узел сходятся у Гоголя судьбы России, Церкви и Самодержавия. Государь у него — «образ Божий» на земле, воплощающий собой не только долг, но и любовь. «Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значенье свое — быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь» [Гоголь 6: 46]. В трактовке России как теократического государства Гоголь расходился с Н. М. Карамзиным и Пушкиным, но был солидарен с ними в своих симпатиях к дворянству как образованному классу. В своем «истинно русском ядре», считал Гоголь, это сословие прекрасно, оно является хранителем «нравственно-го благородства» и требует особенного внимания со стороны Государя. Перед дворянством Гоголь ставил две задачи: «сослужить истинно благородную и высокую службу Царю», став «на неприманчивые места и должности, опозоренные низкими разночинцами», и войти в «истинно русские» отношения к крестьянам, «взглянуть на них, как отцы на детей своих» [Гоголь 6: 148, 149].

В рассуждениях об Императоре Петре I Гоголь ближе к Пушкину и М. П. Погодину, нежели к славянофилам. Причины петровских преобразований он объяснял необходимостью «пробуждения» русского народа, а также тем, что «слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил...» (В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность) [Гоголь 6: 156].

В крепостном праве Гоголь видел прямое следствие петровских преобразований и призывал подумать заблаговременно, чтобы «освобождение не было хуже рабства». В сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ» помещик Хлобуев говорит о своих крестьянах: «Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толку» [Гоголь 5: 443]. Сходную позицию в этом вопросе занимали многие русские писатели, в том числе Н. М. Карамзин и И. В. Киреевский.

В то же время Гоголь неустанно говорил о священных обязанностях помещиков по отношению к крестьянам. Подлинную отмену крепостной зависимости он видел не в европейской пролетаризации русского крестьянства, а в превращении дворянских имений в монастырские по духу, где задача вечного спасения займет подобающее ему место. За наружным блеском и благоустройством Запада Гоголь усматривал зачатки социально-политических катастроф. «В Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы, — писал он графине Луизе Карловне Виельгорской, — что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые вам видятся теперь в России» (Страхи и ужасы России, 1846) [Гоголь 6: 131].

Определенный интерес проявлял Гоголь к масонству и декабристскому движению. Он был знаком с И. А. Фонвизиным, Г. С. Батеньковым и другими декабристами, пытавшимися оказать на него влияние, а также с князем И. С. Гагариным, перешедшим в 1842 г. в католичество. Не разделяя их образа мыслей (отчасти схожего с идеями зальцбруннского письма В. Г. Белинского), Гоголь не уходил от общения с ними, движимый христианским чувством сострадания. Одновременно он испытывал к декабризму и его идейной сущности профессиональный интерес как писатель, что нашло отражение в реминисценциях во втором (в большей степени) и в первом томах «Мертвых душ».

Гоголь остро ощущал отклонение человека от христианских заповедей. «...Невольно обнимается душа ужасом, — писал он матери и сестрам 4 марта 1851 г., — видя, как с каждым днем мы отдаляемся все больше и больше от жизни, предписанной нам Христом» [Гоголь 15: 399–400]. Единственный выход для русского народа Гоголь видел в исполнении заветов Евангелия. «Один только исход общества из нынешнего положения — Евангелие»; «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии. Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз обращалось» [Гоголь 6: 406].

Исторические и политические взгляды Гоголя близки к воззрениям Карамзина («Записка о новой и древней России») и славянофилов. Вместе с тем он остался непревзойденным в религиозном восприятии Запада: «...ни в ком не было такого глубокого непосредственного ощущения религиозной неправды современности» [Зеньковский 1997: 37].

Размышления Гоголя о губительности для человечества (прежде всего христианского мира) успехов прогресса и цивилизации пред-варяли религиозно-философские сочинения К. Н. Леонтьева и иска-ния богословов XX в. Эта тема — излюбленная у крупнейшего право-славного духовного писателя нашего времени иеромонаха Серафима (Роуза).

Гоголь вплотную подошел к основным темам русской религиозной философии. Он стал первым представителем глубокого и трагического религиозно-нравственного стремления, которым проникнута русская литература. Выдвинутый им идеал воцерковления русской жизни — идеал до сей поры глубоко значимый для России. По словам протопре-свитера В. В. Зеньковского, «Гоголя можно без преувеличения назвать пророком православной культуры. В этом выразилось его участие в развитии русской философской мысли» [Зеньковский 1991: 186]. Такие творцы, как Гоголь, по своему значению в истории слова подобны свя-тым отцам в Православии¹.

¹ Мысль эта впервые высказана в начале XX в. новомучеником протои-ереем И. И. Восторговым [Восторгов: 226–227].

Список литературы

Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 904 с.

Восторгов И. И. Честный служитель слова / Речь на панихиде по Н. В. Гоголю по случаю открытия ему памятника в гор. Тифлисе, сооруженного городским самоуправлением // Полное собр. соч.: в 5 т. Т. 2. СПб.: Изд-во Царское дело, 1995. С. 223–227.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Зеньковский В. В. История русской философии / сост. А. В. Поляков. Л.: Изд-во Эго, 1991. Т. 1. Ч. 1. 222 с.

Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа / сост. П. В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой; вступ. статья В. Н. Жукова и М. А. Маслина. М.: Республика, 1997. 368 с.

Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло: в 2 т. Т. 1: 1870–1917. М.: Новый хронограф, 2009. 678 с.

Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания: собрание статей. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. 95 с.

References

Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniiah, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv: v 3 t. T. 1.* [Gogol in contemporaries' memoirs, diaries and correspondence. Full systematic set of documentary evidence]. In 3 vols. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, vol. 1, 904 p. (In Russ.)

Vostorgov I. I. *Chestnyi sluzhitel' slova / Rech' na panikhide po N. V. Gogoliu po sluchaiu otkrytiia emu pamiatnika v gor. Tiflise, sooruzhennogo gorodskim samoupravleniem* [Honest minister of the word, Speech at the memorial service for Nikolay Gogol on the occasion of the opening of a monument to him in the mountains]. *Polnoe sobr. soch.: v 5 t. T. 2* [The Complete Works in 5 vols. Vol. 2]. St. Petersburg, Tsarskoe delo Publ., 1995, pp. 223–227. (In Russ.)

Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh), sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva.* [The Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 books)]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010, vol. 1–17. (In Russ.)

Zen'kovskii V. V. *Istoriia russkoi filosofii, sost. A. V. Poliakov* [History of Russian philosophy]. Leningrad, Izd-vo Ego, 1991, Vol. 1, Part. 1, 222 p. (In Russ.)

Zen'kovskii V. V. *Russkie mysliteli i Evropa, sost. P. V. Alekseeva; podgot. teksta i primech. R. K. Medvedevoi* [Russian thinkers and Europe]. Moscow, Respublika Publ., 1997, 368 p. (In Russ.)

Semenov-Tian-Shanskii V. P. *To, chto proshlo: v 2 t. T. 1: 1870–1917* [What has passed: in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2009, 678 p.

Trubetskoi N. S. *K probleme russkogo samopoznaniia: sobranie statei* [On the problem of Russian self-knowledge: collection of articles]. Parizh, Evraziiskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1927, 95 p. (In Russ.)